

Глава 10. Добро пожаловать

Как только из динамика кассы раздалось уведомление о поступившем переводе, Ван Синьлэй расплылся в довольной улыбке. На этой продаже он заработал неплохо.

— Чи-гэ, — сказал он весело, — ты, конечно, к Сяо Чэньюю относишься прямо по-особенному!

— Это ты просто жадный, — спокойно ответил Ван Чи.

На такую колкость Ван Синьлэй не обиделся. Чем больше тот покупал, тем больше он зарабатывал. А кто же в здравом уме откажется от денег?

Он рассмеялся:

— Если ты и с друзьями такой щедрый, то будущей невесте точно повезло!

Ван Чи нахмурился:

— Какой ещё невесте?

— Ай, Чи-гэ, — Ван Синьлэй почесал затылок, — ты в последнее время сам не свой. Сяо Тан говорит, что у тебя наверняка что-то на любовном фронте случилось. Ну признайся, скоро же у моего старшего брата появится невестка, да?

— Глупости. И вообще я не «не свой», — отрезал Ван Чи.

Он вдруг ощутил острое желание закурить, сунул руку в карман — пачка пуста. Тогда он коротко бросил:

— Дай пачку... нет, две.

Вернувшись домой, он застал вечер уже позади. На столе его ждала накрытая миска с ужином — Цзинь Сю и Сяо Чэньюю уже поели.

Цзинь Сю сидела в плетёном кресле, штопала одежду, а Сяо Чэньюю устроился на низеньком табурете рядом, внимательно следя за её руками и слушая, как она объясняет, как правильно завязывать узелок на нитке. Настолько внимательно, что даже не заметил, как Ван Чи вошёл.

Не притронувшись к еде, Ван Чи сразу подошёл к ним и протянул небольшой пакет:

— Крем от солнца. Тебе.

— Мне? — Сяо Чэньюю поднял взгляд, улыбнулся. — Спасибо, ге!

Но уже через секунду юноша снова повернулся к Цзинь Сю:

— Я научился завязывать узелок, тётя Сю! Можно, я попробую сам?

— Конечно, — добродушно сказала она и передала ему иголку с ниткой, следя, как он возится, с мягкой улыбкой.

Ван Чи постоял рядом, подождал хоть какого-то отклика — никто не обратил на него внимания. Никто не поинтересовался, зачем он вдруг купил дорожный крем, не сказал ни слова.

Он молча отвернулся и пошёл разогревать себе ужин.

Пока он ел, Сяо Чэньюй уже успел наиграться с нитками и убежал наверх принимать душ.

Цзинь Сю подошла к столу и присела напротив сына:

— Устал, наверное. Всё на тебе. Может, и правда стоит сдать землю в аренду?

В последние годы в деревне всё чаще стали отдавать участки подрядчикам: те засеивают и убирают урожай механизировано.

— Пока нет, — покачал головой Ван Чи. — Через пару лет подумаем.

Три года назад, когда у Цзинь Сю обнаружили болезнь, Ван Чи бросил работу, потратил все сбережения на лечение и с тех пор оставался с ней в родной деревне.

Деревенская жизнь, если честно, скучновата. Свободного времени хоть отбавляй, и чтобы хоть чем-то заняться, Ван Чи даже сдал экзамены на права тракториста и экскаваторщика. В страду для него наступали, пожалуй, единственные дни, когда было настоящее дело — физическая работа, но он относился к ней как к тренировке: усталость — не беда.

Он продолжал ужинать, а Цзинь Сю сидела рядом, не произнося ни слова. Между ними издавна царило молчание, они вообще редко разговаривали. Если бы не Сяо Чэньюй, Ван Чи, пожалуй, так бы и не узнал, что мать, оказывается, очень общительная женщина.

Он попытался завести разговор:

— Мама, лепёшки из лотоса сегодня особенно вкусные.

— Сегодня делали их вместе с Чэньюем, — при упоминании Сяо Чэньюя, Цзинь Сю сразу заулыбалась. Такой мягкой улыбки Ван Чи давно не видел.

Он молча кивнул.

Цзинь Сю добавила:

— Днём звонил старый господин Сяо, спрашивал, как Чэньюй тут живёт.

— И что он сказал? — спросил Ван Чи.

— Сказал, что ему тут очень нравится. Нравлюсь я, и ты ему тоже нравишься.

Ван Чи опустил глаза и подцепил палочками стручок сои. Нравлюсь, значит... нашёл, что говорить старику своему.

Цзинь Сю продолжила:

— А мне он тоже нравится, мальчик хороший, характер приятный, на лицо чистенький... Только вот завтра уже уезжает.

Соевый стручок выскользнул у Ван Чи из палочек и упал на стол.

— Что? — спросил он, не скрывая удивления.

Цзинь Сю, не ожидавшая такой реакции, подняла брови:

— А что тут странного? Он же не навсегда сюда приехал. Да и ты вроде сам к нему не слишком расположен.

— С чего ты взяла? — возразил Ван Чи.

— Как это с чего? Сегодня он сказал, что ты даже спать с ним в одной комнате не хочешь.

— ...Он привык спать один, — выдавил Ван Чи, чувствуя, как в горле встаёт неловкий ком. — Я просто уступил ему кровать. Разве это плохо?

— Глупости, — отмахнулась Цзинь Сю. — Он сказал, что ночью в доме какие-то звуки пугают, один он совсем не может уснуть.

Звуки, значит... — Ван Чи внутренне усмехнулся. Не мог уснуть? Да он заснул, как только головой подушку коснулся. Я тогда у кровати стоял, смотрел на него... тот и глазом не повёл.

В этот момент по лестнице легко сбежал вниз сам Сяо Чэньюй — чистый, свежий после душа, его волосы были ещё чуть влажные.

— Ты всё ещё ешь, ге? — с улыбкой бросил он и тут же повернулся к Цзинь Сю:

— Тётя Сю, можно я возьму немного лепёшек из лотоса с собой? Хочу, чтобы дедушка с бабушкой попробовали!

Он говорил с таким энтузиазмом, будто речь шла о каком-то великом достижении — всё-таки он сам помогал их готовить и теперь хотел похвастаться.

— Конечно можно, — с радостью ответила Цзинь Сю и пошла доставать контейнер.

Ван Чи ещё не успел ответить, как момент уже был упущен. Он торопливо доел остатки ужина, поставил миску на стол и вдруг почувствовал раздражение.

Его ведь упрекнули — вот он и решил держаться чуть подальше, не спать вместе. Разве это не вполне разумно? С чего это теперь Сяо Чэньюй обиделся? Ещё и матери пожаловался?

Последние дни он даже разговаривать с ним не хочет... ленится, будто. В поле завидит — сразу убегает. А теперь, оказывается, ещё и уезжает.

И ни слова ему не сказал.

Сяо Чэньюй, конечно, не знал, что у того на уме. Он присел на корточки и с увлечением играл с собакой, веселился от души.

Он вовсе не чувствовал себя обиженным и не собирался нарочно игнорировать Ван Чи. Просто в последние дни всё вокруг было для него таким новым, что внимания на остальное не хватало.

Деревня для него была сплошным открытием — и дождевые черви, выползающие из земли после ливня, и соседский горделивый петух, важно расхаживающий по двору.

А ещё ему по-настоящему нравилось проводить время с Цзинь Сю — она напоминала ему маму. Ту самую — добрую, мягкую, чьё лицо он уже почти позабыл.

Цзинь Сю заглянула в холодильник. Пользуясь моментом, пока в комнате никого не было, Ван Чи спросил:

— Завтра домой уезжаешь?

— Ага! С утра пораньше! — Сяо Чэньюй обернулся и улыбнулся ему так, что глаза засветились.

От этой улыбки Ван Чи стало ещё тревожнее. Он машинально потянулся за сигаретами, но вспомнил, что Сяо Чэньюй не любит запах табака, поэтому отказался от этой мысли.

— Завтра я отвезу тебя, — предложил он.

— Не надо, не надо! — Сяо Чэньюй замахал руками. — Я сам поеду! Тётя Сю одолжила мне свой трёхколёсный мопед! На нём так круто ездить!

Ван Чи промолчал, но желание закурить вернулось с удвоенной силой.

Цзинь Сю тем временем разложила оладьи из лотоса по пакетам, убрала обратно в морозильник и сказала, что утром, перед отъездом, достанет. Сяо Чэньюй кивнул, поблагодарил и уже собирался подняться наверх, чтобы охладиться под кондиционером.

Ван Чи остановил его:

— Подожди.

— А? — Сяо Чэньюй моргнул. — Мне жарко, хочу наверх, под кондиционер.

— Потом ты... — Ван Чи запнулся, помолчал и закончил: — ...ещё приедешь?

Сяо Чэньюй удивлённо распахнул глаза, словно не поверил, что услышал правильно.

— Конечно, приеду! — весело ответил он. — Я ведь домой только на одну ночь, послезавтра уже вернусь. Разве тётя Сю тебе не сказала?

Сяо Чэньюй посмотрел на Ван Чи, Ван Чи — на Цзинь Сю.

Цзинь Сю, отпивая чай, спокойно сказала:

— Я не сказала? Наверное, забыла. Старею, память уж не та.

...

Ван Чи отвёл взгляд, голос его стал непринуждённым:

— А, вот как.

Сяо Чэньюй склонил голову набок:

— Брат, ты что, больше не рад меня видеть?

Не отвечая, Ван Чи вдруг подошёл ближе и сильно взъерошил ему волосы. Пальцы прошлись по мягким прядям, золотистые кончики весело подпрыгнули.

Сяо Чэньюй отскочил назад, возмущённо воскликнул:

— Эй, ты чего! Я только голову вымыл! Ты всё испортил!

— Прости, — сказал Ван Чи, но в голосе его слышалась улыбка.

Сяо Чэньюй попытался пригладить растрёпанные волосы и спросил:

— Так что, всё-таки рад?

Ван Чи подумал: Если бы я сказал, что не рад — разве он не приехал бы всё равно? Как тогда, когда настоял, чтобы остаться жить здесь...

Но вслух он произнёс лишь:

— Рад, конечно.

<http://bllate.org/book/12345/1101756>